

УДК: 316.6
doi: 10.11621/vsp.2022.01.14

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧУВСТВА ВИНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ У ЛИЦ, ВЫРОСШИХ В АЛКОГОЛЬНОЙ СЕМЬЕ

А.С. Спиваковская¹, А.М. Луценко^{*2}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, beatum@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8821-7858>

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, lutschenko.anna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7950-0117>

* Автор, ответственный за переписку: lutschenko.anna@mail.ru

Актуальность. Вопрос о роли чувства вины в реабилитационном процессе лиц, выросших в алкогольной семье, остается дискуссионным. В когнитивно-поведенческой терапии чувство вины связывают с принятием ответственности. В гуманистическом подходе чувство вины и стыда рассматриваются как эмоции, препятствующие поиску социальной поддержки и способствующие развитию психических заболеваний. Изучение особенностей переживания чувства вины может помочь выявить ресурсные факторы лиц, выросших в алкогольной семье.

Цели работы. Изучить взаимосвязь переживания чувства вины и ответственности у лиц, выросших в алкогольной семье.

Методики и выборка. Выборка: 1) лица, выросшие в алкогольных семьях (N = 52; Mвозр. = 24,5); 2) контрольная группа (N = 50; Mвозр. = 24,2). Использовались феноменологический анализ высказываний участников групп «Взрослые дети алкоголиков», «Опросник межличностной вины» (O'Connor, Berry), «Опросник вины» (Кутлер, Джонс), «Стратегии совладающего поведения» (Лазарус, Фолкман), контент-анализ характеристик ресурсных факторов семьи.

Результаты. Лица, чьи родители страдали хроническим алкоголизмом, характеризуют чувство вины как результат гиперответственности за других людей, результат табуированной агрессии на родителей и результат переживания реальной или ожидаемой утраты родителей. Повышенное чувство вины связано с избеганием поиска решения проблемы и не связано с принятием ответственности за собственную жизнь. Ресурсные факторы, способствующие преодолению чувства вины: ведение дневника, самонаблюдение отрицательных эмоций, общение с друзьями и здоровыми родственниками, участие в реабилитационных программах. Участники контрольной группы

менее склонны к переживанию чувства вины, связывают ее с процессом переживания утраты, в качестве ресурсных факторов выделяют доверительное общение с семьей и друзьями, занятия спортом.

Выводы. Показано, что переживание чувства вины за поведение родителей лицами, выросшими в алкогольной семье, не связано с принятием ответственности за свою жизнь и не способствует принятию социальной поддержки.

Ключевые слова: 12-шаговая реабилитационная программа, алкоголизм, вина, ответственность, стыд.

Для цитирования: Спиваковская А.С., Луценко А.М. Взаимосвязь переживания чувства вины и ответственности у лиц, выросших в алкогольной семье // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 323–343. doi: 10.11621/vsp.2022.01.14

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RESPONSIBILITY AND THE FEELINGS OF GUILT EXPERIENCED BY PEOPLE WHOSE PARENTS WERE ALCOHOL ADDICTS

Alla S. Spivakovskaya¹, Anna M. Lutsenko^{*2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, beatum@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8821-7858>

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, lutsenko.anna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7950-0117>

*Corresponding author: lutsenko.anna@mail.ru

Relevance. The question of the role of the feelings of guilt in the rehabilitation process of people whose parents were alcohol addicts remains controversial. In cognitive behavioral therapy, the feeling of guilt is associated with taking the responsibility. In the humanistic approach, the feelings of guilt and shame are considered as emotions that hinder the acceptance of responsibility and the search for social support. The study of the experience of the feelings of guilt can help formulate the goals of rehabilitation and identify the resource factors of people whose parents were alcohol addicts.

Objective. The purpose of this study was to study the relationship between the responsibility and the feelings of guilt experienced by people whose parents were alcohol addicts.

Methods. Sample: 1) people whose parents were alcohol addicts (N = 52; M age = 24.5); 2) control group (N = 50; M age = 24.2). We used a phenomenological analysis of the statements of the participants in the twelve-step recovery program, “The Interpersonal Guilt Questionnaire” (O’Connor, Berry), “The Guilt

Inventory Questionnaire” (Kugler, Jones), “Coping strategies” (Lazarus, Folkman), the content analysis of the family resource factors.

Results. People whose parents suffered from chronic alcoholism characterize the feelings of guilt as a familiar family process, as a result of increased responsibility for other people, as a result of taboo aggression towards their parents and as a result of experiencing a real or expected loss of their parents. An increased feeling of guilt is associated with avoiding finding a solution to a problem and is not associated with taking increased responsibility. Resource factors contributing to overcoming the feeling of guilt: keeping a diary, self-observation of negative emotions, communication with friends and healthy relatives, participation in rehabilitation programs. The participants in the control group are less inclined to experience the feelings of guilt and shame, and identify the confidential communication with family and friends, and sport as resource factors.

Conclusions. The feelings of guilt experienced by people whose parents were alcohol addicts is not associated with the acceptance of increased responsibility for their lives and does not contribute to the acceptance of the social support.

Key words: twelve-step recovery program, alcohol addiction, guilt, responsibility, shame.

For citation: Spivakovskaya, A.S., Lutsenko, A.M. (2022) The Relationship Between the Responsibility and the Feelings of Guilt Experienced by People Whose Parents Were Alcohol Addicts. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, P. 323–343. doi: 10.11621/vsp.2022.01.14

Введение

К дисфункциональным алкогольным семьям, с позиции системного семейного подхода, относятся такие семьи, в которых один или несколько ее членов страдают хроническим алкоголизмом (Potter-Efron, 2019).

В последние пять лет отмечается высокий интерес исследователей к теме семейного алкоголизма вследствие широчайшей распространенности данного заболевания как в нашей стране, так и за рубежом (Байкова, Меринов, 2019); (Andrade, Jarvinen, 2021); (Lyvers, Nayatbakhsh, 2019); (Rozhnova, 2020). В нашей стране по данным ВОЗ по итогам 2018 года число лиц, имеющих диагноз «алкоголизм», достигло 5 миллионов человек (Lanina, Khekalov, 2019). Современные исследования людей, чьи родители страдали алкоголизмом, в основном направлены на выявление риска возникновения психических заболеваний, либо на подтверждение наличия у них трудностей при

построении отношений с другими людьми за счет негативного детского опыта. Было показано, что лица, выросшие в дисфункциональной алкогольной семье, склонны к суицидальному, аддиктивному и созависимому поведению, имеют низкую самооценку, испытывают трудности при построении близких отношений и обозначении личных границ, склонны к переживанию чувства вины и стыда (Тучина, Шустов, 2019); (Шамардина, Доровских, 2020); (Brown-Rice, 2018). Низкая самооценка и склонность к алкогольному и суицидальному поведению лиц, выросших в алкогольных семьях, в клинической практике объясняется высокой склонностью к переживанию чувства вины у членов алкогольной семьи за алкоголизацию родителей. Ребенок, растущий в алкогольной семье, объясняет алкоголизацию родителя или родителей тем, что он был недостаточно хорошим ребенком, совершал ошибки в детстве. Тем не менее, данное предположение подтверждается только практическими наблюдениями зарубежных психологов, что отражено в работе Джанет Дж. Войтиц «Взрослые дети алкоголиков» (Woititz, 2002).

Чувство вины и стыда, которые может испытывать взрослый человек, выросший в дисфункциональной семье, формируются в течение первых лет жизни ребенка, и родители принимают непосредственное участие в их формировании. В данном исследовании стыд рассматривается как «болезненное состояние осознания своей базовой дефективности как человеческого существа, а вина — это болезненное состояние осознания, которое сопровождает свершившееся или замысленное нарушение субъектом общественных ценностей и правил» (Potter-Efron, 2019).

В когнитивно-поведенческой терапии чувство вины связывают с принятием ответственности человека за свою жизнь, а способность к чувству вины рассматривают как необходимое условие для успешного прохождения индивидуальной и семейной реабилитации зависимых пациентов. Например, когнитивный психолог М. Хоффман рассматривает вину как эмоцию, характеризующуюся напряжением и сожалением, возникающим у индивида при чувстве эмпатии по отношению к «жертве» и чувстве ответственности за нее (Hoffman, 2020). М. Хоффман подчеркивает, что чувство вины помогает зависимому пациенту почувствовать ответственность за свою жизнь и отказаться от употребления алкоголя. Рассматривается склонность к переживанию чувства стыда как малоадаптивную реакцию, связанную с негативной оценкой собственной личности и способствующую избеганию поиска решения проблем, а чувство вины как эмоцию, по-

буждающую человека к принятию ответственности за свои поступки и свою жизнь (Patock-Peckham, 2018).

В экзистенциально-гуманистическом подходе чувство вины и стыда рассматриваются как эмоции, препятствующие поиску социальной поддержки и способствующие развитию психических заболеваний. Виктор Франкл считал, что чувство вины представляет собой экзистенциальную тревогу, которая появляется в обстоятельствах, требующих принятия ответственности за себя или других людей (Frankl, 2014). В. Франкл рассматривал вину как источник развития психических заболеваний. Он считал, что чувство вины влияет на формирование эндогенной депрессии, если человек ставит перед собой невыполнимые задачи, не справляется с ними и начинает обесценивать жизнь. Дж. Войтиц рассматривает чувство вины и стыда как факторы, препятствующие адаптации лиц, имеющих алкогольную зависимость, и способствующие развитию зависимого поведения (Woititz, 2002). Поттер-Эфрон описал цикл повторяющихся эмоций и поведения в алкогольных семьях (Potter-Efron, 2019). Он писал, осознание собственных недостатков приводит к чувству вины и стыда, человек хочет избавиться от этих эмоций и начинает употреблять алкоголь, после чего чувствует себя неполноценным, что провоцирует чувство вины и стыда, а также очередное злоупотребление алкоголем. Цикл Поттера-Эфрона не предполагает доступа к ресурсным факторам, поскольку человек, попавший в цикл, будет все глубже и глубже погружаться в него. Этот подход не включает возможные пути выхода из алкогольной зависимости, основанные на ресурсных факторах семьи, и рассматривает чувство вины как отрицательную эмоцию, не способствующую принятию ответственности за себя и свое поведение.

Таким образом, вопрос о роли чувства вины и стыда в реабилитационном процессе лиц, выросших в алкогольной семье, остается дискуссионным. Большинство исследований эмоциональной сферы лиц, чьи родители страдали алкогольной зависимостью, проводилось на клинических базах, где изучались люди, также имеющие химические зависимости или психические заболевания. Такое изучение не позволяло отделить особенности заболевания человека (например, сниженное настроение и чувство вины при депрессии) от эмоционально-личностных особенностей, формирующихся в результате взросления в дисфункциональной алкогольной семье (Байкова, Меринов, 2019); (Woititz, 2002). Спецификой данной работы является изучение психически здоровых взрослых людей, выросших в алко-

гольной семье. Эти люди смогли преодолеть последствия семейного алкоголизма и, в некоторых случаях, помогли родителям преодолеть алкогольную зависимость, поэтому изучение их опыта переживания чувства вины и стыда и способов их преодоления может помочь выявить ресурсные факторы дисфункциональной семьи.

Цель исследования — изучить взаимосвязь переживания чувства вины и ответственности у лиц, выросших в алкогольной семье.

Гипотезы исследования:

1. Лица, выросшие в алкогольных семьях, склонны к переживанию чувства вины и стыда в большей степени, чем лица, выросшие в семьях без алкоголизации родителей. Чувство вины у лиц, выросших в алкогольной семье, будет связано с гиперответственностью за семью при недостаточной ответственности за себя, а также с табуированной злостью на родителей.

2. Переживание чувства вины связано с избеганием поиска решения проблемы и не связано с принятием ответственности за свою жизнь и поиском социальной поддержки у лиц, выросших в алкогольной семье.

3. Ресурсные факторы, способствующие преодолению чувства вины, различаются у лиц, выросших в алкогольных семьях, и лиц, выросших в семье без алкоголизации родителей. Лица, выросшие в алкогольной семье, будут обращаться к реабилитационным программам и друзьям в качестве поддержки, в то время как лица, выросшие в семье без алкоголизации, будут использовать семью как основной ресурсный фактор для решения семейных проблем.

Методы

Характеристика участников исследования: Исследование проводилось в городе Москве в период с ноября 2017 по декабрь 2019 года. Экспериментальная группа исследования включала психически здоровых взрослых людей, выросших в алкогольной семье и являющихся членами сообщества «Взрослые дети алкоголиков» ($N = 52$; 11 мужчин и 41 женщина; $M_{возр.} = 24,5$, $SD = 4,4$). Критерии включения в экспериментальную группу: возраст от 18 до 35 лет; отсутствие у участников группы психических заболеваний на момент участия в исследовании; наличие хотя бы одного родителя, имеющего диагноз «хронический алкоголизм» и прошедшего в течение жизни лечение в связи с данным диагнозом; родители проживали с участником исследования и принимали участие в его воспитании; симптомы алкогольной зависимости у родителя возникли, когда участнику

исследования было от 6 месяцев до 5 лет. Контрольная группа исследования включала психически здоровых взрослых людей, чьи родители не страдали алкогольной зависимостью ($N = 50$; 15 мужчин и 35 женщин; $M_{возр.} = 24,2$, $SD = 3,7$). Критерии включения в контрольную группу: возраст от 18 до 35 лет; отсутствие у участников группы психических заболеваний на момент участия в исследовании; родители участника исследования не имели алкогольной зависимости; родители проживали с участником исследования и принимали участие в его воспитании. Критерии исключения: возраст до 18 лет; наличие психиатрического диагноза; злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами. Данные исследования публикуются с разрешения респондентов, все участники исследования подписывали добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Методы и план проведения исследования. 1. Для диагностики особенностей переживания отрицательных эмоций (чувства вины и стыда) использовались: феноменологический анализ высказываний участников групп «Взрослые дети алкоголиков», «Опросник межличностной вины» (O'Connor, Berry, адаптация Е.В. Коротковой), «Опросник вины» (Куглер, Джонс опять же иностранные фамилии на англ., адаптация И.А. Белик) (Белик, 2006); (Короткова, 2002). Полные тексты данных опросников представлены в учебнике Е.П. Ильина «Психология совести: стыд, вина, раскаяние» (Ильин, 2016). Феноменологический анализ данных включал сбор информации (высказывания участников о чувстве вины), выделения и преобразования смысловых единиц высказываний участников, группировки смысловых единиц по темам (было выделено 7 тем), а также из интерпретации полученных тем (Кисельникова, 2020). «Опросник межличностной вины» (O'Connor, Berry, адаптация Е.В. Коротковой) направлен на измерение четырех иррациональных дезадаптивных форм вины: вина выжившего, вина отделения, вина гиперответственности и вина ненависти к себе (стыд) (Connor, 1994). «Опросник вины» (Куглер, Джонс, адаптация И.А. Белик) направлен на измерение вины-черты (личностная характеристика), вины-состояния (текущее эмоциональное состояние человека) и склонность к соблюдению моральных норм. 2. Для диагностики ресурсных факторов, способствующих преодолению чувства вины, использовался опросник «Стратегии совладающего поведения» (Лазарус, Фолкман, адаптация Т.Л. Крюковой), а также контент-анализ высказываний участников исследования (Дельгадо, 2020). Контент-анализ включал: сбор данных (респонденты отвечали на вопрос «Что мне помогает

справиться с «чувством вины»?), выделение смысловых единиц анализа (определения феномена), группировки единиц по темам, подсчет упоминания тем в процентном соотношении, интерпретация результатов. Для статистической обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 22.0, а также непараметрические статистические критерии (U Манна–Уитни и коэффициент корреляции R Спирмена), так как большинство измеренных переменных представлены в порядковых шкалах.

Результаты

В результате феноменологического анализа высказываний участников реабилитационной группы самопомощи «Взрослые дети алкоголиков» было выделено пять категорий, относящихся к переживанию чувства вины:

1. **Чувство вины гиперответственности**, связанное с повышенной ответственностью за других людей при недостаточной ответственности за свою жизнь указали 48 участников программы: «Я не могу заснуть спокойно накануне экзамена, пока не обзвоню всех однокурсников и не буду уверена, что они готовятся. Я чувствую ответственность за группу, хотя часто после этого я не высыпаюсь и плохо сдаю предметы сама».

2. **Чувство вины как результат табуированной агрессии на родителей**. Упомянув чувство вины, участники также говорили о гневе, который они испытывали по отношению к своим родителям. Только три участника программы упомянули этот вид вины: «Я выплескивала на родителей свой гнев за пьянство, кричала, что детей рожают не для того, чтобы ими манипулировать, после чего обычно чувствовала вину».

3. **Вина как результат переживания реальной или ожидаемой утраты родителей**. Данный тип вины упоминали как люди, пережившие утрату родителей, так и лица, проживающие с родителями, но испытывающие страх, что их родители умрут от алкоголизма в будущем. 32 человека упоминали этот тип вины. «Моя мать умерла. Я зол, что она так рано покинула этот мир. Я чувствую себя виноватым, потому что не успел отправить ее на реабилитацию. Я думал, что она сама откажется от алкоголя, если захочет».

4. **Вина как результат недостаточного внимания к себе**. Это чувство возникало тогда, когда лица, выросшие в алкогольной семье, осознавали, что они не уделяли достаточно внимания своим потребностям. Данный тип вины упомянули 34 участника программы.

«Еще один момент, за который я чувствую себя виноватой — это мой трудоголизм. Раньше я зарабатывала деньги, чтобы прокормить себя и мать, а теперь все идет по инерции, я перерабатываю, когда надо и не надо. Я себя убиваю, а чувство вины испытываю, потому что понимаю, что пока не могу о себе позаботиться».

5. Чувство вины как состояние, в котором человек пребывает постоянно. 50 человек упомянули чувство вины как знакомое им состояние, в котором они находятся постоянно. «Мне в вине комфортно. Это привычное состояние. Надо же что-то делать, и если делать, то нужно принимать ответственность, а если не брать ответственность за себя, то можно попасть в зону комфорта и вину, этот комфорт будет губительным».

В результате **корреляционного анализа** по критерию R Спирмена было показано, что переживание чувства вины лицами, выросшими в алкогольной семье, не связано с принятием ответственности за свою жизнь и не способствует принятию социальной поддержки (табл. 1). Чувство вины и стыда не были связаны с положительной переоценкой семейной проблемы. Склонность к переживанию чувства вины и стыда связана с тенденцией к избеганию поиска решения проблемы. Чувство стыда отрицательно связано с планированием решения проблемы и имеет прямую связь с тенденцией брать повышенную ответственность. Соблюдение моральных норм связано с планированием решения проблемы. (Эти данные соотносятся с результатами наблюдений за поведением участников в реабилитационной программе, часто знание того, что нормально в семейных отношениях, а что — нет, полученное в ходе участия в реабилитационной работе, помогало лицам, выросшим в алкогольной семье, принять решение о необходимости лечения родителя.)

Таблица 1

Интеркорреляции между переживанием чувства вины и копинг-стратегиями у лиц, выросших в алкогольной семье

	1	2	3	4	5	6	7
1. Вина как черта	1						
2. Вина-состояние	0,499	1					
3. Моральные нормы	0,031	0,387	1				
4. Вина выжившего	0,094	0,038	-0,093	1			
5. Вина отчуждения	0,115	0,159	-0,048	0,559	1		

	1	2	3	4	5	6	7
6. Вина ответственности	-0,082	0,014	-0,086	0,574	0,476	1	
7. Стыд	0,340	0,267	-0,022	0,667	0,403	0,346	1
8. Конфронтация	0,169	0,384	0,285	-0,01	0,239	-0,066	0,165
9. Дистанцирование	0,192	0,151	-0,141	-0,039	0,019	-0,101	0,056
10. Самоконтроль	0,112	0,179	0,134	-0,1	-0,036	0,087	-0,061
11. Соцподдержка	0,011	0,038	-0,026	0,008	0,004	0,075	-0,018
12. Ответственность	0,222	0,192	-0,019	0,294	0,208	0,251	0,408
13. Избегание	0,399	0,451	0,292	0,138	0,099	0,042	0,329
14. Планирование решения проблемы	-0,192	0,183	0,418	-0,269	-0,286	-0,038	-0,311
15. Положительная переоценка	-0,008	0,034	0,01	-0,136	-0,091	-0,121	-0,092

Table 1

Intercorrelations between coping strategies and the feeling of guilt experienced by adults whose parents were alcohol addicts

	1	2	3	4	5	6	7
1. The feeling of guilt	1						
2. The state of guilt	0.499	1					
3. Moral norms	0.031	0.387	1				
4. Survivor guilt	0.094	0.038	-0.093	1			
5. Separation guilt	0.115	0.159	-0.048	0.559	1		
6. Responsibility guilt	-0.082	0.014	-0.086	0.574	0.476	1	
7. Shame	0.340	0.267	-0.022	0.667	0.403	0.346	1
8. Confrontational coping	0.169	0.384	0.285	-0.01	0.239	-0.066	0.165
9. Distance	0.192	0.151	-0.141	-0.039	0.019	-0.101	0.056
10. Self-control	0.112	0.179	0.134	-0.1	-0.036	0.087	-0.061
11. Search for social support	0.011	0.038	-0.026	0.008	0.004	0.075	-0.018
12. Acceptance of responsibility	0.222	0.192	-0.019	0.294	0.208	0.251	0.408
13. Escape-avoidance	0.399	0.451	0.292	0.138	0.099	0.042	0.329
14. Planning a solution to a problem	-0.192	0.183	0.418	-0.269	-0.286	-0.038	-0.311
15. Positive revaluation	-0.008	0.034	0.01	-0.136	-0.091	-0.121	-0.092

Для лиц, выросших в семье без алкоголизации родителей, переживание чувства вины связано с принятием ответственности за свою жизнь и не связано с тенденцией к избеганию решения проблем (табл. 2). Чувство вины и стыда не связано с положительной переоценкой проблемы и планированием ее решения. Принятие моральных и социальных норм общества имеет отрицательную связь с тенденцией к избеганию решения проблем.

Таблица 2

Интеркорреляции между переживанием чувства вины и копинг-стратегиями у лиц, выросших в семье без алкоголизации

	1	2	3	4	5	6	7
1. Вина как черта	1						
2. Вина-состояние	0,718	1					
3. Моральные нормы	0,292	0,279	1				
4. Вина выжившего	0,374	0,334	0,36	1			
5. Вина отчуждения	-0,042	-0,002	0,185	0,436	1		
6. Вина ответственности	0,088	0,153	0,171	0,571	-0,042	1	
7. Стыд	0,479	0,294	0,162	0,72	0,221	0,36	1
8. Конфронтация	0,169	0,137	-0,345	0,097	-0,042	-0,075	0,24
9. Дистанцирование	0,105	0,056	-0,189	0,241	0,194	0,168	0,244
10. Самоконтроль	-0,03	-0,101	-0,168	-0,111	0,027	0,043	-0,016
11. Соцподдержка	-0,054	-0,119	-0,117	0,002	0,144	0,069	-0,129
12. Ответственность	0,397	0,272	-0,155	0,275	-0,003	0,064	0,399
13. Избегание	0,03	-0,193	-0,338	-0,042	-0,016	0,046	0,065
14. Планирование решения проблемы	-0,038	-0,033	-0,206	0,01	0,016	0,15	0,013
15. Положительная переоценка	-0,208	-0,153	-0,198	-0,099	0,064	0,021	-0,262

Table 2

Intercorrelations between coping strategies and the feeling of guilt experienced by adults whose parents were not alcohol addicts

	1	2	3	4	5	6	7
1. The feeling of guilt	1						
2. The state of guilt	0.718	1					

	1	2	3	4	5	6	7
3. Moral norms	0.292	0.279	1				
4. Survivor guilt	0.374	0.334	0.36	1			
5. Separation guilt	-0.042	-0.002	0.185	0.436	1		
6. Responsibility guilt	0.088	0.153	0.171	0.571	-0.042	1	
7. Shame	0.479	0.294	0.162	0.72	0.221	0.36	1
8. Confrontational coping	0.169	0.137	-0.345	0.097	-0.042	-0.075	0.24
9. Distance	0.105	0.056	-0.189	0.241	0.194	0.168	0.244
10. Self-control	-0.03	-0.101	-0.168	-0.111	0.027	0.043	-0.016
11. Search for social support	-0.054	-0.119	-0.117	0.002	0.144	0.069	-0.129
12. A-acceptance of responsibility	0.397	0.272	-0.155	0.275	-0.003	0.064	0.399
13. Escape-avoidance	0.03	-0.193	-0.338	-0.042	-0.016	0.046	0.065
14. Planning a solution to a problem	-0.038	-0.033	-0.206	0.01	0.016	0.15	0.013
15. Positive revaluation	-0.208	-0.153	-0.198	-0.099	0.064	0.021	-0.262

В результате вычисления статистически значимых различий между группами по критерию U Манна-Уитни было выявлено, что чувство вины, переживаемое лицами, чьи родители страдали алкогольной зависимостью, было выше, чем чувство вины, испытываемое людьми без алкоголизации родителей ($M_{\text{контр.}} = 56,58$; $SD_{\text{контр.}} = 14,69$; $M_{\text{эксп.}} = 63,90$; $SD_{\text{эксп.}} = 12,63$; $p = 0,008$) (табл. 3).

По шкале вина-состояние, которая указывает на переживание осознания поправа человека обществом общественных норм и правил в ситуации «здесь-и-сейчас» не было выявлено статистически значимых различий между группами ($M_{\text{к.}} = 27,64$, $SD_{\text{к.}} = 7,98$; $M_{\text{эк.}} = 29,96$, $S_{\text{эк.}} = 7,58$; $p = 0,835$).

Результаты «Опросника межличностной вины» (О'Коннор, Берри) показали, что чувство вины-гиперответственности у лиц, выросших в алкогольной семье, было выше, чем чувство вины-ответственности у лиц, выросших в семье без алкоголизации родителей ($M_{\text{к.}} = 61,48$, $SD_{\text{к.}} = 12,95$; $M_{\text{эк.}} = 68,81$, $SD_{\text{эк.}} = 13,43$; $p = 0,006$). Лица, выросшие в алкогольной семье, менее склонны к переживанию чувства вины-отделения по сравнению с лицами, выросшими в семье без алкоголизации родителей. Чувство вины-отделения связано с установкой, что отделение или отличие от родителей и близких

людей принесет человеку вред и страдания (Мк. = 38,46, SDк. = 9,40; Мэк. = 34,44, SDэк. = 9,57; $p = 0,035$). По шкале «чувство вины ненависти к себе / стыд» не было получено статистически значимых различий между группами (Мк. = 40,04, SDк. = 13,72; Мэк. = 44,40, SD эк. = 13,76; $p = 0,112$).

Таблица 3

Различия переживания чувства вины между группами участников исследования по критерию t-Стьюдента и U Манна-Уитни и величина эффекта с использованием d-значения Коэна

Шкалы	t	p	U	p	d-значение Коэна
Вина-состояние	0,209	0,835	1278,000	0,883	0,041
Чувство вины	2,703	0,008	950,000	0,019*	0,535
Моральные нормы	0,584	0,561	1209,500	0,544	-0,116
Вина выжившего	1,540	0,127	1113,000	0,210	0,305
Вина отделения	2,137	0,035	990,500	0,038*	-0,423
Вина-гиперответственность	2,804	0,006	923,500	0,012*	0,556
Вина ненависти к себе / стыд	1,604	0,112	1080,500	0,141	0,318

Table 3

Differences in the experience of guilt between groups of study participants using Student's t-test and Mann-Whitney U test and effect size using Cohen's d-value

Scales	t	p	U	p	Cohen's d
The feeling of guilt	0.209	0.835	1278.000	0.883	0.041
The state of guilt	2.703	0.008	950.000	0.019*	0.535
Moral norms	0.584	0.561	1209.500	0.544	-0.116
Survivor guilt	1.540	0.127	1113.000	0.210	0.305
Separation guilt	2.137	0.035	990.500	0.038*	-0.423
Responsibility guilt	2.804	0.006	923.500	0.012*	0.556
Shame	1.604	0.112	1080.500	0.141	0.318

С помощью **контент-анализа высказываний** участников реабилитационной группы самопомощи «Взрослые дети алкоголиков» было выделено восемь категорий, имеющих отношение к ресурсным факторам, способствующим преодолению чувства вины (табл. 4).

Таблица 4

Категории ресурсных факторов, способствующих преодолению чувства вины

Категории	Экспериментальная группа (N = 52)		Контрольная группа (N = 50)	
	количество ответов	процент ответов	количество ответов	процент ответов
Ведение дневника эмоций	8	15.3	4	8
Участие в реабилитационных программах	10	19.2	0	0
Общение с друзьями	5	9,6	16	32
Общение со здоровыми родственниками	8	15,3	10	20
Занятия спортом	3	5,8	12	24
Уход в болезнь	8	15,3	3	6
Избегание проблемы	4	7,8	2	4
Религия	6	11,5	3	6

Table 4

Categories of the resource factors contributing to overcoming the feelings of guilt

Categories	Experimental group (N = 52)		Control group (N = 50)	
	number of responses	Percent-age of responses	number of responses	Percent-age of responses
Keeping a diary	8	15.3	4	8
Participation in the recovery programs	10	19.2	0	0
Communication with friends	5	9.6	16	32
Communication with healthy relatives	8	15.3	10	20
Sports	3	5.8	12	24
Illness	8	15.3	3	6
Avoiding the problem	4	7.8	2	4
Faith	6	11.5	3	6

1. «Ведение дневника». Лица, выросшие в алкогольной семье, чаще упоминали ведение дневника в качестве ресурсного фактора, способствующего преодолению чувства вины: «Когда в детстве я очень злился на свою мать-алкоголичку, я начал вести дневник. Это помогло мне выразить свои чувства, уменьшить агрессию и чувство стыда».

2. «Участие в реабилитационных программах». Данный фактор указывали только лица, выросшие в алкогольной семье, так как они принимали участие в реабилитационной программе ВДА. Участники отмечали, что в ходе программы они учились отказываться от ответственности за жизнь других людей и принимать ответственность за себя.

3. «Общение с друзьями» в качестве ресурсного фактора упоминали участники обеих групп. Лица, выросшие в алкогольных семьях, отмечали, что друзья помогали им понять, как может проявляться любовь и забота, а родители друзей иногда становились идеальной моделью семейного общения.

4. «Общение со здоровыми родственниками» упоминали участники обеих групп исследования: «Мой отец был алкоголиком, поэтому, когда я думаю о мужчине, на которого я бы хотел быть похожим, я вспоминаю своего строгого деда. Все его уважали, он мог взять ответственность за себя и свою семью. Я вспоминаю его, и мне становится легче».

5. «Спорт». Лица, выросшие в алкогольной семье, сообщали, что командные виды спорта помогали им вести здоровый образ жизни, находить друзей, учиться защищать себя от родительской агрессии.

6. «Уход в болезнь». Лица, выросшие в алкогольной семье, использовали эту стратегию чаще, чем люди, выросшие в семьях без алкоголизации родителей. Болезнь служила поводом отложить поездку к пьющим родителям, с которыми они не хотели общаться. «Когда я болею, я не думаю о родителях, и мне становится легче».

7. «Избегание проблемы». Участники исследования упоминали, что лучший способ решить семейную проблему — игнорировать ее наличие. Например, полностью прервать контакты с родственниками, чтобы не чувствовать вину и стыд за их поведение: «Я не общаюсь с родителями, не хожу к ним, потому что не хочу видеть, что они употребляют алкоголь».

8. «Религия». Некоторые участники исследования думали, что лучший способ справиться с отрицательными эмоциями — молиться: «Я молился, чтобы мой отец перестал бить мою маму и употреблять алкоголь. После курса реабилитации отец стал менее агрессивным. Бог услышал меня, поэтому он на моей стороне».

Обсуждение результатов исследования

В данном исследовании было показано, что лица, выросшие в алкогольных семьях, склонны к переживанию чувства вины и стыда в большей степени, чем лица, выросшие в семьях без алкоголизации родителей, что подтверждает первую гипотезу исследования. Данные результаты соотносятся с результатами наших предыдущих исследований (Луценко, Спиваковская, 2020); (Lutsenko, 2020). Чувство вины у лиц, выросших в алкогольной семье, было связано с переживанием ожидаемой или реальной утраты близких, с коспенсаторной гиперответственностью за семью при недостаточном внимании к себе, а также с табуированной злостью на родителей. Н.В. Кисельникова и М.А. Байкова при изучении детей, растущих в алкогольных семьях, обращали внимание на их склонность к принятию гиперответственности за жизнь и здоровье родителей, обвинению себя в алкоголизме родственников и отказ от принятия ответственности за собственную жизнь (Байкова, Меринов, 2019); (Кисельникова, Лаврова, 2020).

Проведенное исследование показывает, что переживание чувства вины связано с избеганием поиска решений проблемы и не связано с принятием ответственности за свою жизнь и поиском социальной поддержки у лиц, выросших в алкогольной семье, что подтверждает вторую гипотезу. Лица, выросшие в алкогольных семьях, были склонны брать повышенную ответственность за пьющих родителей, так как им было стыдно за их поведение, при этом они испытывали сложности с принятием ответственности за собственную жизнь и свои решения. Полученные результаты противоречат данным когнитивного психолога Паток-Пекхам, который рассматривал чувство вины как эмоцию, побуждающую человека к принятию ответственности за свою жизнь и способствующую изменению поведения (Patock-Peckham, 2018).

Полученные в исследовании данные соотносятся с результатами исследований экзистенциально-гуманистических и поведенческих психологов. Например, Дж. Войтиц рассматривает чувство вины и стыда как факторы, препятствующие адаптации лиц, имеющих алкогольную зависимость, и способствующие развитию зависимого поведения (Woititz, 2002). Так как в исследовании было показано, что чувство вины и стыда способствуют избеганию принятия решений, а теоретические данные указывают на то, что вина и стыд встраиваются в цикл отрицательных эмоций, провоцирующих зависимое поведение, данные эмоции не могут рассматриваться как необходимые в реабилитационном процессе. Более того, целью реабилитации лиц, выросших

в алкогольной семье, может быть анализ собственных отрицательных эмоций, обучение способам совладания с чувством вины и стыда и обучение способам принятия ответственности за свою жизнь при отказе от гиперответственности за жизнь и решения других людей.

Было показано, что ресурсные факторы, способствующие преодолению чувства вины, различаются у лиц, выросших в алкогольных семьях, и лиц, выросших в семье без алкоголизации родителей. Ожидалось, что лица, выросшие в алкогольной семье, обращаются к реабилитационным программам и друзьям в качестве поддержки, в то время как лица, выросшие в семье без алкоголизации, используют семью как основной ресурсный фактор для решения проблем. Данная гипотеза не была подтверждена. Было показано, что к ресурсным факторам, способствующим преодолению чувства вины, у лиц, выросших в алкогольной семье, относятся: ведение дневника, самонаблюдение отрицательных эмоций, общение с друзьями и здоровыми родственниками, участие в реабилитационных программах. К ресурсным факторам контрольной группы можно отнести доверительное общение с семьей и друзьями, занятия спортом.

Данное исследование имеет некоторые ограничения. В экспериментальную группу исследования вошли только психически здоровые лица, участвующие в реабилитационной программе «Взрослые дети алкоголиков». В исследовании не изучались люди, которые отказываются от участия в реабилитационных программах, но также являются лицами, выросшими в алкогольных семьях. Можно предположить, что люди, не участвующие в реабилитационных программах, будут использовать другие ресурсные факторы для совладания с чувством вины и стыда, например, общение с друзьями, избегание решения проблемы, зависимое поведение.

Выводы

1. Лица, выросшие в алкогольных семьях, склонны к переживанию чувства вины и стыда в большей степени, чем лица, выросшие в семьях без алкоголизации родителей. Чувство вины у лиц, выросших в алкогольной семье, связано с переживанием ожидаемой или реальной утраты близких, с компенсаторной гиперответственностью за семью при недостаточном внимании к себе, а также с табуированной злостью на родителей.

2. Переживание чувства вины связано с избеганием поиска решения проблемы и не связано с принятием ответственности за свою жизнь и поиском социальной поддержки у лиц, выросших в алкогольной семье.

3. Ресурсные факторы, способствующие преодолению чувства вины, различаются у лиц, выросших в алкогольных семьях, и лиц, выросших в семье без алкоголизации родителей. Ресурсные факторы, способствующие преодолению чувства вины, у лиц, выросших в алкогольной семье: ведение дневника, самонаблюдение отрицательных эмоций, общение с друзьями и здоровыми родственниками, участие в реабилитационных программах. К ресурсным факторам контрольной группы можно отнести доверительное общение с семьей и друзьями, занятия спортом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байкова М.А., Меринов А.В. Влияние пола детей, воспитанных в семьях больных алко-гольной зависимостью, на их суицидологические характеристики // Суицидология. 2019. Т. 10, № 2. С. 42–54. doi: 10.32878/suiciderus.19-10-02(35)-42-55

Белик И.А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.

Дельгадо А.А., Гриценко Р.А., Прокопчук Д.Д. Контент-анализ как метод исследования политических текстов // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 1. С. 320–327. doi: 10.35775/PSI.2020.53.1.033

Ильин Е.П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2016.

Кисельникова Н.В., Лаврова Е.В., Альмухаметова Т.Н., Куминская Е.А., Рзаева Ф.Р. Феноменологический анализ динамики переживаний клиентов в процессе психотерапии: изучение отдельных случаев. Часть 2 // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 3. С. 8–24. doi: 10.17759/cpp.2020280302

Короткова Е.В. Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому: дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2002.

Ланина А.В., Хекало О.Ю. Статистика пагубных зависимостей населения России // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию ФГБОУ ВО «ГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова» / Под ред. М.Ш. Минцаева, М.Я. Пашаева. Грозный: Типография Спектр. 2019. С. 327–331.

Луценко А.М., Спиваковская А.С. Представления о феномене «семейная боль» у лиц, выросших в алкогольной семье // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 2. С. 83–102. doi: 10.11621/vsp.2020.02.05

Поттер-Эфрон Р.Т. Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика. М.: ИОИ, 2019.

Тучина О.Д., Шустов Д.И., Агibalова Т.В., Шустова С.А. Нарушения перспективной способности как возможный патогенетический механизм алкогольной зависимости // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 1. С. 79–101. doi: 10.17759/cpp.2019270106

Филиппова Н.В., Барыльник Ю.Б., Мишукова А.Ю., Антонова А.А. Психологический портрет лиц, выросших в «алкогольных семьях» // Наркология. 2021. Т. 20, № 8. С. 64–69. doi: 10.25557/1682-8313.2021.08.64-69

Шамардина М.В., Доровских О.А., Кожевникова А.А. Психологический портрет созависимого подростка // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 198–207. doi: 10.25557/1682-8313.2021.08.64-69

Andrade, S.B., Jarvinen, M. (2021). Moderate stable, fling or chronic high: alcohol trajectories among young people in an intoxication-oriented drinking culture. *Addiction Research and Theory*, 29 (4), 306–315. doi:10.1080/16066359.2020.1826938

Brown-Rice, K.A.; Scholl, J.L.; Fercho, K.A. (2018). Neural and psychological characteristics of college students with alcoholic parents differ depending on current alcohol use. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*, 81, 284–296. doi:10.1016/j.pnpbp.2017.09.010.

Connor, L.E., Berry J.W. (1994). Shame, guilt, and depression in men and women in recovery from addiction. *Journal of Substance Abuse Treatment*, 11, 503–510.

Frankl, V. (2014). *The will to meaning: Foundations and applications of logotherapy*. N.Y.: Penguin.

Hoffman, M.L. (2020). *Empathy and moral development: Implications for caring and justice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Lutsenko, A.M. (2020). Coping strategies and personality profile characteristics of people whose parents were alcohol addicts *Behavioral science*, 10 (32), 212–221. doi.org/10.3390/bs10010032.

Lyvers, M., Hayatbakhsh, N. (2019). Alexithymia, Impulsivity, and Reward Sensitivity in Young Adult University Student Children of Alcoholics. *Substance Use and Misuse*, 54 (2), 340–344, doi: 10.1080/10826084.2018.1512628

Patock-Peckham, J.A., Canning, J.R., Leeman, R.F. (2018). Shame is bad and guilt is good: An examination of the impaired control over drinking pathway to alcohol use and related problems. *Personality and individual differences*, 121, 62–66. doi: 10.1016/j.paid.2017.09.023

Rozhnova, T.M., Kostyuk, S.V., Malygin, V.L., Enikolopov, S.N., Nikolenko, V.N. (2020). The phenomenon of codependency: psychological and medical genetic aspects. *Neurology, Neuro-psychiatry, Psychosomatics*, 12 (5), 53–59. doi: 10.14412/2074-2711-2020-5-53-59

Woititz, J.G. (2002). *The complete Acoa sourcebook: Adult children of alcoholics at home, at work and in love*. FL.: Health Communications, Inc.

REFERENCES

Andrade, S.B., Jarvinen, M. (2021). Moderate stable, fling or chronic high: alcohol trajectories among young people in an intoxication-oriented drinking culture. *Addiction Research and Theory*, 29 (4), 306–315. doi:10.1080/16066359.2020.1826938

Baikova, M.A., Merinov, A.V. (2019). Influence of the gender of children raised in families of alcohol addicts on their suicidological characteristics. *Suicidologija (Suicidology)*, 10 (2), 42–54. (In Russ.). doi: 10.32878/suiciderus.19-10-02(35)-42-55

Belik, I.A. (2006) *Чувство вины в связи с особенностями развития личности: diss. ...канд. психол. наук. (Feelings of guilt in connection with the peculiarities of personality development)*, Ph.D. (Psychology). Saint-Petersburg. (in Russ.).

Brown-Rice, K.A.; Scholl, J.L.; Fercho, K.A. (2018). Neural and psychological characteristics of college students with alcoholic parents differ depending on current alcohol use. *Progress in Neuro-Pharmacology and Biological Psychiatry*, 81, 284–296. doi: 10.1016/j.pnpbp.2017.09.010.

Connor, L.E., Berry, J.W. (1994). Shame, guilt, and depression in men and women in recovery from addiction. *Journal of Substance Abuse Treatment*, 11, 503–510.

Delgado, A.A., Gritsenko, R.A., Prokopchuk, D.D. (2020). Content analysis as a method for studying political texts. *Voprosy politologii (Questions of political science)*, 10 (1), 320–327. (In Russ.). doi: 10.35775 / PSI.2020.53.1.033

Filippova, N.V., Baryl'nik, Y.B., Mishukova, A.Y., Antonova, A.A. (2021). Psychological portrait of people who grew up in “alcoholic families”. *Narkologija (Narcology)*, 20 (8), 64–69. (In Russ.). doi: 10.25557 / 1682-8313.2021.08.64-69

Frankl, V. (2014). *The will to meaning: Foundations and applications of logotherapy*. N.Y.: Penguin.

Hoffman, M.L. (2020). *Empathy and moral development: Implications for caring and justice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Il'in, E.P. (2016). *Psychology of conscience: shame, guilt, remorse*. SPb.: Piter. (In Russ.).

Kisel'nikova, N.V., Lavrova, E.V., Almukhametova, T.N., Kuminskaya, E.A., Rzaeva, F.R. (2020). Phenomenological analysis of the dynamics of clients' experiences in the process of psychotherapy: the study of individual cases. Part 2. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija (Counseling psychology and psychotherapy)*, 28 (3), 8–24. (In Russ.). doi: 10.17759/cpp.2020280302

Korotkova, E.V. (2002). *Social'no-psihologicheskij analiz viny i styda kak sistemy otnoshenij lichnosti k sebe i drugomu: Diss. ...kand. psihol. nauk. (Socio-Psychological Analysis of Guilt and Shame as a System of Personal Relationships to Self and Others)*, Ph.D. (Psychology). Rostov-na-Donu. (in Russ.).

Lanina, A.V., Khekalov, O.Y. (2019). Statistics of harmful addictions of the population of Russia. In M.S. Mintsaeva, M.Y. Pashaeva (Eds.), *Proceedings of the II Russian scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists, dedicated to the 100th anniversary of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “M.D. Millionshchikov State Technical University”* (pp. 327–331). Grozny: Typography Spectrum. (In Russ.).

Lutsenko, A.M. (2020). Coping strategies and personality profile characteristics of people whose parents were alcohol addicts. *Behavioral science*, 10 (32), 212–221. doi.org/10.3390/bs10010032.

Lutsenko, A.M., Spivakovskaya, A.S. (2020). Representations of the phenomenon of the family pain experienced by people whose parents were alcohol addicts. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology)*, 2, 83–102. doi: 10.11621/vsp.2020.02.05

Lyvers, M., Hayatbakhsh, N. (2019). Alexithymia, Impulsivity, and Reward Sensitivity in Young Adult University Student Children of Alcoholics. *Substance Use and Misuse*, 54 (2), 340–344. doi: 10.1080/10826084.2018.1512628

Patock-Peckham, J.A., Canning, J.R., Leeman, R.F. (2018). Shame is bad and guilt is good: An examination of the impaired control over drinking pathway to alcohol use and related problems. *Personality and individual differences*, 121, 62–66. doi: 10.1016/j.paid.2017.09.023

Potter-Efron R.T. (2014). Shame, Guilt, and Alcoholism: Treatment Issues in Clinical Practice. Moscow: IOI Publ. (In Russ.).

Rozhnova, T.M., Kostyuk S.V., Malygin V.L., Enikolopov S.N., Nikolenko V.N. (2020). The phenomenon of codependency: psychological and medical genetic aspects. *Neurology, Neuro-psychiatry, Psychosomatics*, 12 (5), 53–59. doi: 10.14412/2074-2711-2020-5-53-59

Shamardina, M.V., Dorovskikh O.A., Kozhevnikova A.A. (2020). Psychological portrait of a co-dependent teenager. *Pedagogika i psihologija obrazovaniya (Pedagogy and psychology of education)*, 1, 198–207. (In Russ.). doi: 10.25557/1682-8313.2021.08.64-69

Tuchina, O.D., Shustov, D.I., Agibalova, T.V., Shustova, S.A. (2019). Deficits of prospective capacity as possible mechanism in pathogenesis of alcohol dependence. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 27 (1), 79–101. (In Russ.). doi:10.17759/cpp.2019270106

Woititz, J.G. (2002). The complete Acoa sourcebook: Adult children of alcoholics at home, at work and in love. FL.: Health Communications, Inc.

Поступила в редакцию 21.11.2021

Принята к публикации 10.01.2022

Отредактирована 19.02.2022

Received 21.11.2021

Accepted 10.01.2022

Revised 19.02.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спиваковская Алла Семёновна — доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

beatum@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8821-7858>

Луценко Анна Михайловна — аспирант факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

lutsenko.anna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7950-0117>

ABOUT THE AUTHERS

Alla S. Spivakovskaya — SciD, Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

beatum@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8821-7858>

Anna M. Lutsenko — Graduate student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

lutsenko.anna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7950-0117>